

УДК 94(57)

DOI: 10.17223/19988613/69/8

С.Ф. Татауров

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ СИБИРСКОГО ХАНСТВА В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Анализируются археологические материалы памятников XVI–XVII вв. лесостепной и южнотаежной зон Западной Сибири с целью выявления маркеров, которые являлись символами государственной власти существовавших на данных территориях тюрко-татарских государственных образований – ханств. К таким символам власти следует отнести как определенные объекты – пограничные городки и культовые места (астана), так и категории предметов личного пользования – украшения (перстни), одежду, оружие. Данное исследование направлено на поиск дополнительных источников в археологических материалах для характеристики сибирской тюрко-татарской государственности указанного периода.

Ключевые слова: Западная Сибирь; тюрко-татарская государственность; городки; астана; перстни; оружие.

Тюрко-татарские государственные образования в Западной Сибири во II тыс. н.э. играли достаточно значительную роль на политической арене Сибири, Средней Азии и сопредельных территорий. В литературе на основании письменных источников достаточно подробно описаны политическая история сибирских ханств, биографии их правителей и их военные походы, дипломатические отношения с соседними государствами и т.д. Из всего этого складывается представление об их достаточно высоком уровне государственности, но гораздо сложнее обстоит дело с фактической характеристикой этих государств. Документы не дают нам представления о границах и инфраструктуре ханств, не сохранили для нас описаний городов, облика их жителей и их занятия. Например, столицы ханств – Чимги-Тура, Кизыл-Тура, Искер – волей природы и человека либо практически полностью разрушены, либо находятся под современной застройкой. Как писал в свое время один из авторов раскопок столицы Сибирского ханства – Искера – В.Н. Пигнатти, «ни в одной из сибирских летописей, при самом внимательном их обзрении, нет рассказа о том, каков был при Кучуме Искер, и что с ним сделалось после падения: представлял ли он из себя военную лишь крепость, населенную лишь ратными людьми, или это был город в обычном смысле слова – человеческое поселение. Не только внутреннего содержания поселения, кто жил и как жили, но и чисто внешнего описания остатков разгромленного города в летописях нет» [1. С. 186]. По этой причине смоделировать города не помогут нам и археологические исследования. Те опыты, которые были проделаны в этом направлении, не выдерживают критики [2]. Мы не можем воссоздать дворцы правителей и административные здания, храмы и производственные мастерские – то, что является визитной карточкой любого государства.

Такая же ситуация и с государственной символикой тюрко-татарских государств – ее нет ни в коллекциях музеев, ни на страницах исторических документов. На настоящий момент мы можем только предполагать, под каким знаменем шли ханские отряды в боевые походы, какие регалии выделяли хана и его приближенных, чем и как заверялись государственные документы. В.В. Трепавлов приводит один из немногих документов, посвященный переговорам с Девлет-Гиреем, где указывается, что «Аблай передал послам изображение родовой тамги (типичный позднеджучидский тарак – гребень), а Тауке – прядь своих волос и тоже нарисовал тамгу» [3. С. 101]. Приходится констатировать, что в отличие от памятников поволжских и крымского ханств, где изображения тамги правителей присутствуют на различных предметах [4. Рис. 162], в материалах археологических комплексов Сибири этих изображений пока не найдено.

Следует отметить, что историки периодически обращаются к поиску государственных символов сибирских ханств [5, 6], и в их работах рассматривались самые широкие спектры предметов материальной культуры, которые могли быть маркерами положения в государственной структуре, – одежда, доспехи и оружие, лошади, мебель, дворцы и т.д., но пока это остается на уровне предположений, и проблема далека до решения. При этом надежда на грядущие открытия в данном направлении весьма слаба. Я уже писал о недостаточном использовании археологических материалов при создании характеристики сибирских ханств [7]. Несмотря на определенное сокращение археологических исследований комплексов, соотносимых с историей сибирских тюрко-татарских государственных образований, публикации материалов раскопок XIX и XX вв. [8–10] позволяют выделить круг фактов, которые характеризуют как сибирскую госу-

дарственность в целом, так и статус определенных категорий людей в этих образованиях.

На мой взгляд, есть несколько направлений исследований археологических материалов, которые позволяют более точно охарактеризовать государственные институты сибирских ханств, в том числе и их государственную символику. Для их общей характеристики как никогда актуально в настоящее время картографирование археологических памятников, соотносимых с их территорией и временем существования. Эта работа, начатая В.И. Соболевым [11], так и не была продолжена. Расположение столиц ханств и административных центров, культовых мест (астана), связывающей их системы путей сообщения показывает достаточно стройную систему государственной инфраструктуры. Это позволяет нам воссоздать структу-

ру административного деления и управления данными государственными образованиями. Выделение укрепленных пограничных линий наглядно и четко показывает как границы государств, так и структуру одного из важнейших государственных институтов – армии. Городки, прикрывающие провинции ханств, выделяются своей фортификацией, коллекции с этих комплексов показывают специфику их внутреннего устройства, вооружения и снабжения. Все эти моменты наглядно представляют данные раскопок Тунусского городка на р. Таре (рис. 1, 1). По сути дела, именно пограничные городки, устроенные на рубежах своего ханства Кучумом, в настоящий момент являются единственным неопровержимым археологическим доказательством наличия государственных объектов (комплексов) на его территории.

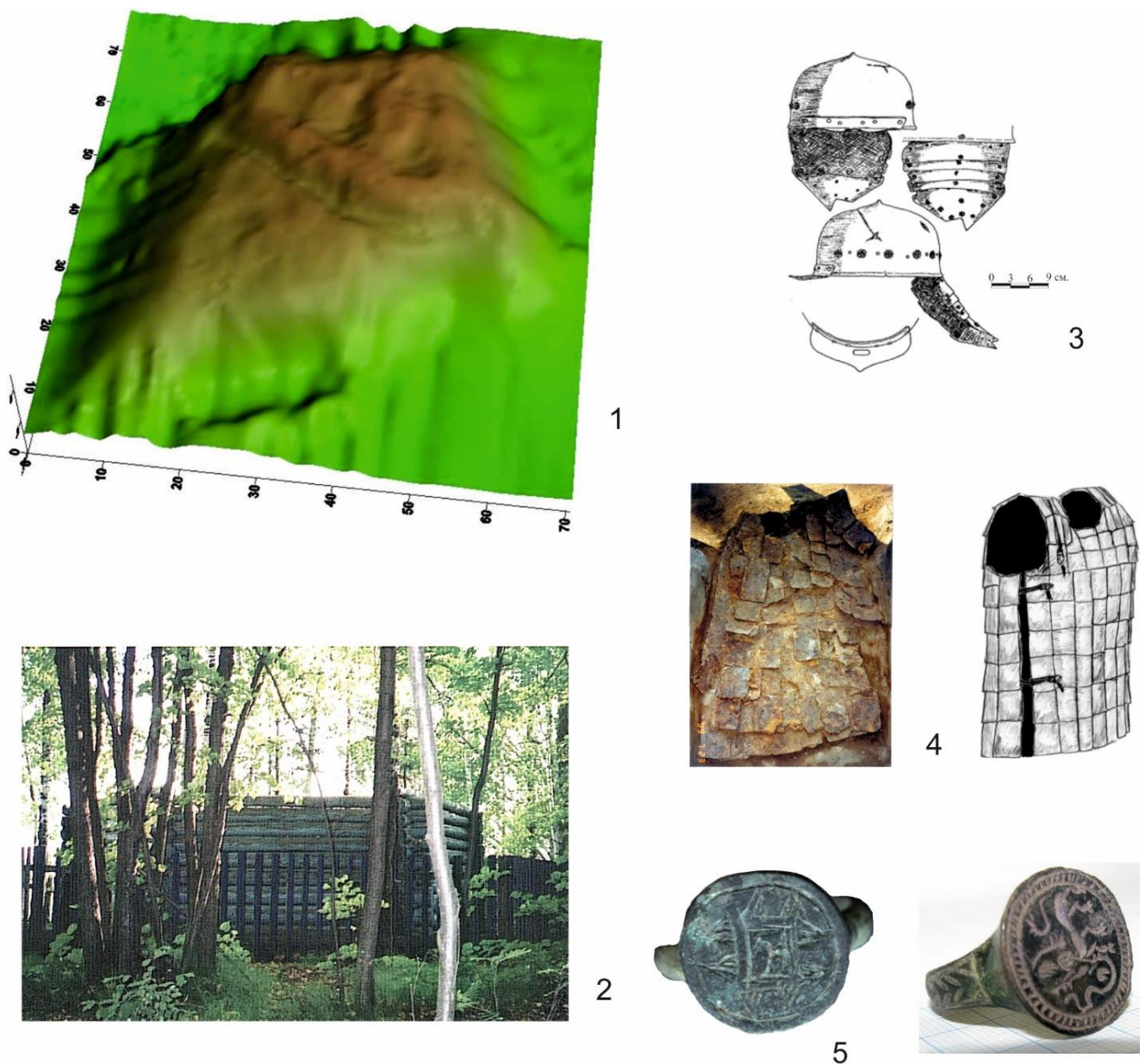

Рис. 1. Археологические маркеры и предметы-маркеры государственных институтов сибирских ханств:
1 – Тунусский городок в Тарском Прииртышье (съемка С.Ф. Татаурова, 2004 г.); 2 – Астана у д. Аллагулово Вагайского района Тюменской области (фото А.Г. Селезнева 2004 г.); 3 – шлем князя Илегея; 4 – доспех из могильника Окунево VII; 5 – перстень из могильника Тоянов Городок; 6 – перстень из могильника Сеитово IV

Другой категорией археологических памятников, имеющих определенный государственный статус, являются культовые места – астана (см. рис. 1, 2). Их появление связано с политикой хана Кучума по распространению ислама. По сути, для XVI в. это были монументальные символы государства хана Кучума, они олицетворяли для местного населения новую религию и новую власть. На настоящий момент известно около 80 таких комплексов в Тюменской и Омской областях. Основная часть находится в Вагайском, Тобольском, Уватском, Яровском и отчасти в Аромашевском и Тюменском районах Тюменской области. Самой северной является Цингальская астана у с. Цингалы Ханты-Мансийского района Ханты-Мансийского автономного округа, а самая южная находится в Усть-Ишимском районе Омской области. Наиболее полная информация о сибирских астанах на настоящий момент изложена в коллективной монографии «Культы святых в сибирском исламе: специфика универсального» [12]. По письменным источникам, этот момент связан с могилами пришедших в Сибирь из Бухары исламских миссионеров братства Накшбандийа, которые погибли в религиозных столкновениях с местными язычниками в 797 г. хиджры (1394–1395) [13]. В полной мере астана вошла в жизнь сибирских татар в период управления Сибирским ханством хана Кучума. Астана стала одними из ключевых пунктов в проведении им политики исламизации населения. При хане Кучуме культ святых стал элементом государственной политики. Погибших стали почитать как мучеников за веру, к их могилам начали совершать паломничество. Эту категорию археологических памятников, так как в конце XX в. их стали ставить на охрану в качестве объектов археологического наследия, в полной мере можно отнести к государственным комплексам сибирских тюрко-татарских государств. Их исследование, возможно, даст новые материалы для изучения татарских государств. При этом ни один из комплексов астана на настоящий момент археологически полностью не исследован, поэтому вопрос о времени появления первых астана остается открытым. Подчеркивая значение астана как уникального явления религиозной культуры, ученые отмечают необходимость самостоятельного комплексного научного изучения этого вида памятников с применением методов и подходов различных научных дисциплин. Тот факт, что они конструктивно и планиграфически выделяются из обычных погребальных комплексов, может дать шанс исследователям выделить определенные черты, которые станут своеобразными маркерами для захоронений на могильниках XV–XVII вв., и связать их с конкретными моментами существования Сибирского ханства.

Анализ погребальных памятников данного периода лесостепной и южнотаежной зон Западной Сибири показывает, что эти объекты дают наибольшую информацию как по социальному уровню развития населения сибирских ханств, так и по наличию маркеров, соотносимых с государственной символикой. Погребальные комплексы позволяют выделить традиции, показывающие определенные социальные связи между отдельными провинциями ханств – в устройстве

надмогильных сооружений, использовании огня при захоронениях, в категориях сопровождающего инвентаря и т.д. Могильники показывают синхронность процессов социального расслоения общества – по размерам надмогильных сооружений и по особо значимым предметам в погребениях. Изучение погребальных объектов этого времени позволяет определить время и характер распространения ислама у населения Западной Сибири. В ранней части могильника Бергамак 2, расположенного на правом притоке Иртыша – Таре, находится группа курганов диаметром около 78 м и высотой до 1 м, а в остальной части могильника надмогильные холмы не превышают 45 м в диаметре и 0,5 м высоты. В одном из таких могильных комплексов (№ 41) умерший был положен на белый войлок, в качестве сопроводительного инвентаря положен богатый комплекс оружия, бронзовый котел, конская упряжь, украшения и т.д. Рядом с ним располагались захоронения № 33, 34 с наборами оружия и конской упряжью [14. С. 166–167]. При раскопках позднесредневекового могильника на Татарском увале у д. Окунево, примерно в 15 км ниже могильника Бергамак 2, под таким выделяющимся из общего ряда своей насыпью кургане было исследовано погребение № 267 представителя знати, облаченного в железный пластинчатый доспех с богатым набором оружия (см. рис. 1, 4). Рядом с этим погребением располагаются погребения воинов с оружием и конской упряжью (мог. № 248, 260) [15. С. 36]. Такие же, выделяющиеся из общего ряда, захоронения мы наблюдаем и в Барабе, где на могильнике Абрамово-10 выделяются погребения с наборами оружия [16. С. 139–142].

В качестве примера знатности доспехов можно привести шлем Илегея (см. рис. 1, 3). По преданию он принадлежал татарскому князьку Илегею, владевшему землями по берегам р. Исети. Данный шлем хранится в областном краеведческом музее в Екатеринбурге и был опубликован в самом конце XX в. [17. С. 110–115].

Практически во всех районах лесостепной полосы Западной Сибири, где и располагались сибирские ханства, выделяются погребения с наличием предметов власти, в первую очередь перстней с определенной символикой. Такие перстни выделяются из всего ряда подобных украшений своей печаткой – она более значительных размеров и имеет специфическую форму – прямоугольник (вписанный в круг) или круг с большим ободком. Из изображений на печатках выделим изображения всадников с поднятой вверх саблей. К.Н. Тихомиров в своей публикации приводит два перстня из могильников Бергамак 2 и Сеитово 4. На щитке перстня из Бергамака 2 изображено животное, похожее на лошадь, с антропоморфной фигурой на нем. На перстне из могильника Сеитово 4 изображен кентавр с коротким копьём острием вниз в правой руке и саблей острием вверх (см. рис. 1, 6). Данный перстень имеет аналогии в памятниках европейской России, но подобный сюжет известен в Азии с XIII в. [18. С. 210]. Примерно такой же перстень был передан местными жителями с. Сеитово К.Н. Тихомирову с пояснением, что сравнительно недавно этот перстень

использовали вместо печати на местных расписках. В архиве М.П. Грязнова, хранящемся в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, в материалах раскопок 1924 г. в Томском Приобье курганного могильника Тоянов Городок есть рисунки погребений с подобными перстнями. В кургане 1 в захоронении было зафиксировано два перстня, где в круглую печатку был вписан прямоугольник, обрамленный с четырех сторон рисунками шатров, а внутри изображен всадник на лошади с поднятой вверх саблей (см. рис. 1, 5). Всего в ходе раскопок этого года было найдено семь перстней с подобными композициями [19].

Включение археологических материалов в характеристику сибирских тюрко-татарских государственных

образований при крайней ограниченности письменных источников в настоящий момент является наиболее перспективным направлением. Помимо рассмотренных нами категорий памятников и предметов, есть еще такие показательные для памятников этого времени категории объектов и предметов, как жилища, надмогильные конструкции, металлическая и керамическая посуда, украшения и т.д. Введение в научный оборот этих материалов позволит решить многие актуальные вопросы как по уровню развития их государственных институтов, например касающихся структуры армии и защиты государственных границ, административно-территориального деления, так и по этнической истории в этот период локальных групп тюркоязычного населения Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Искер столица Сибирского ханства. Казань : Ин-т истории им. Ш. Маджани, 2010. С. 186–226.
2. Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф. Рецензия на монографию: Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибир – Городище Искер (историко-археологическое исследование) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 644–655.
3. Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М. : Вост. лит., 2012. 231 с.
4. Ситдинов А.Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань : Фолиань, 2006. 288 с.
5. Исаков Д.М. Быть верным с друзьями и притворно равнодушным с врагами (культура государственной жизни в тюрко-татарских обществах XV–XVI вв.) // Гысыллар Авызы / Эхо веков. Казань, 2007. № 1. С. 39–46.
6. Беляков А.В. В поисках инсигний служивых чингисидов в России XVI–XVII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 1 (59) С. 50–59.
7. Татауров С.Ф. Археологические памятники сибирских ханств – поиск маркеров государственности // Золотоордынское обозрение. 2017. № 5. С. 352–362.
8. Яковлев Я.А. Могильник Тоянов Городок: каталог коллекции Ф.Р. Мартина 1891 г. из фондов Государственного исторического музея (г. Стокгольм). Томск–Сургут : Изд-во Том. ун-та, 2009. 348 с.
9. Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибир – городище Искер (историко-археологическое исследование). М. : Наука – Вост. лит., 2017. 559 с.
10. Татауров С.Ф. Тоянов Городок на этнополитической карте Сибирского ханства // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 497–508.
11. Соболев В.И. История Сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск : Наука, 2008. 356 с.
12. Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Белич И.В. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального. М. : Марджани, 2009. 216 с.
13. Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против иноземцев Западной Сибири // Ученые записки Казанского университета. 1903. Кн. XII. С. 133–146.
14. Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв. : опыт анализа структуры и содержания. Новосибирск : Наука, 2003. 192 с.
15. Матющенко В.И. Могильник на Татарском увале у д. Окунево (Ом VII). Раскопки 1998, 1999 годов. Омск : Омск. гос. ун-т, 2003. 64 с. (Новое в археологии Прииртышья; вып. 3).
16. Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск : Наука, 1990. 260 с.
17. Зыков А.П., Манькова И.Л. «Шлем Илигея» – реликвия Далматовского Успенского монастыря (к вопросу о формировании культа праведного Далмата) // История церкви: изучение и преподавание. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. С. 110–115.
18. Тихомиров К.Н. Город Тара как центр экономического и культурного развития сибирских татар в Тарском Прииртышье в XVI–XVIII веках // Тара в XVI–XIX веках – российская крепость на берегу Иртыша. Омск : Амфора, 2014. С. 187–223.
19. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. III (М.П. Грязнова). Дело «Тояновская культура».

Sergey F. Tataurov, Omsk Laboratory of the Institute of Archeology, Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Omsk, Russian Federation). E-mail: tatsf2008@rambler.ru

STATE INSTITUTIONS OF THE SIBERIAN KHANATE IN ARCHAEOLOGICAL MATERIALS

Keywords: Western Siberia; Turkic-Tatar statehood; towns; Astana; rings; weapons.

Siberian Turkic-Tatar state formations left a rather bright trace in the history of the region in the second half of the II millennium AD. Particularly should be noted Siberian Khanate, whose borders occupied almost all forest-steppe and southern taiga zones of Western Siberia. Khan Kuchum, who became its leader, had a serious influence on the Central Asian-Siberian political arena. At present, the entire history of these state formations is based mainly on written sources. Unfortunately, the documents do not give a complete description of these states - we do not know their borders and infrastructure, the symbols of the state, there are no markers that would allow scientists to link the famous archaeological complexes with specific khanates. Presented in this article research is devoted to revealing markers of state institutes of khanates in available archaeological materials. The presence of such symbols of the state will allow structuring the archaeological complexes as territorially so as chronologically.

In this article two directions of search for these markers are highlighted - archaeological complexes that were founded or created by the central government and carried a specific state burden and personal items that played a status value for their owners.

In the first case, I single out the border towns built by Khan Kuchum to protect the borders of his khanate on the southern border of the Barabinsk forest-steppe and on the border of the eastern Irtysh valley in Tara Irtysh area. These towns stand out from other fortified complexes by strategical location, fortification having European and Central Asian features, dwellings and supply system (according to osteological materials). Among the state complexes, I include cult places built by Khan Kuchum as part of the spread of the Muslim religion - Astana. These sites began to play not only the role of new religious centers, but also symbolized the central government and became places where many local disputes and problems were solved.

I consider weapons, armor and rings to personal items. We know a certain significance of armor and weapons for state leaders of that time. We know what importance was attached to Yermak's armor by the Tatar people. The museums keep the helmets of military leaders, for example, the helmet of Eligey. In the materials of Tatar burial grounds of the 16-17 cc. we find burials with rich armor (Okunevo VII) or weapons (Bergamak 2). Special importance had the rings, the signposts of which depicted horsemen with weapons or mythological creatures.

My research shows the prospects of using archaeological materials for a deeper characterization of the Siberian Turkic-Tatar state formations and provides an opportunity for further search for their symbols.

REFERENCES

1. Pignatti, V.N. (2010) Isker (Kuchumovo gorodishche) [Isker (Kuchumovo settlement)]. In: Pignatti, V.N. et al. *Isker stolitsa Sibirskogo khanstva* [Isker the capital of the Siberian Khanate]. Kazan: Sh. Madjani Institute of History. pp. 186–226.
2. Maslyuzhenko, D.N. & Tataurov, S.F. (2018) The town of Sibir – the ancient settlement of Isker (a historical-archaeological research). *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*. 6(3). pp. 644–655. (In Russian). DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.644-655
3. Trepavlov, V.V. (2012) *Sibirskiy yurt posle Ermaka: Kuchum i Kuchumovichii v bor'be za revansh* [The Siberian yurt after Yermak: Kuchum and Kuchumovich in the fight for revenge]. Moscow: Vostochnaya literatura.
4. Sitdikov, A.G. (2006) *Kazanskiy kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [The Kazan Kremlin: Historical and Archaeological Research]. Kazan: Folian".
5. Iskhakov, D.M. (2007) Byt' vernym s druž'yami i pritivorno ravnodushnym s vragami (kul'tura gosudarstvennoy zhizni v tyurko-tatarskikh obshchestvakh XV–XVI vv.) [To be faithful with friends and feigningly indifferent to enemies (the culture of state life in the Turkic-Tatar societies of the 15th – 16th centuries)]. *Gysyrlar Avyzy*. 1. pp. 39–46.
6. Belyakov, A.V. (2015) V poiskakh insigniy sluzhilykh chingisidov v Rossii XVI–XVII v. [In search of insignias of service Chinggisids in Russia of the 16th – 17th centuries]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki – Old Russia. The Questions of Middle Ages*. 1(59) pp. 50–59.
7. Tataurov, S.F. (2017) Archaeological monuments of the Siberian Khanates: search of the markers of the statehood. *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*. 5. pp. 352–362. (In Russian). DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-2.352-362
8. Yakovlev, Ya.A. (2009) *Mogil'nik Toyanov Gorodok: katalog kollektsii F.R. Martina 1891 g. iz fondov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (g. Stokgol'm)* [Toyanov Gorodok burial ground: The Catalog of F.R. Martin's collection of 1891 from the funds of the State Historical Museum (Stockholm)]. Tomsk–Surgut: Tomsk State University.
9. Zikov, A.P., Kosintsev, P.A. & Trepavlov, V.V. (2017) *Gorod Sibir – gorodishche Isker (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie)* [The town of Sibir – Isker settlement (a historical and archaeological research)]. Moscow: Nauka – Vostochnaya literatura.
10. Tataurov, S.F. (2019) The Toyanov Town on the ethnopolitical map of the Siberian Khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie – Golden Horde Review*. 7(3). pp. 497–508. (In Russian). DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-3.497-508
11. Sobolev, V.I. (2008) *Istoriya Sibirskikh khanstv (po arkheologicheskim materialam)* [History of the Siberian Khanates (based on archaeological materials)]. Novosibirsk: Nauka.
12. Seleznev, A.G., Selezneva, I.A. & Belich, I.V. (1903) *Kul't svyatykh v sibirskom islama: spetsifika universal'nogo* [The Cult of Saints in Siberian Islam: Specificity of the Universal]. Moscow: Mardzhani.
13. Katanov, N.F. (1903) O religioznykh voynakh uchenikov sheykha Bagautdina protiv inorodtsev Zapadnoy Sibiri [About religious wars of Sheikh Bagautdin's students against foreigners of Western Siberia]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*. 12. pp. 133–146.
14. Korusenko, M.A. (2003) *Pogrebal'nyy obryad tyurkskogo naseleniya nizov'ev r. Tara v XVII–XX vv.: opyt analiza struktury i soderzhaniya* [The burial rite of the Turkic population in the Lower Tara in the 17th – 20th centuries: an analysis of structure and content]. Novosibirsk: Nauka.
15. Matyushchenko, V.I. (2003) *Mogil'nik na Tatarskom uvale u d. Okunevo (Om VII). Raskopki 1998, 1999 godov* [The burial ground on the Tatarsky Uval near the village of Okunevo (Om VII). Excavations 1998, 1999]. Omsk: Omsk State University.
16. Molodin, V.I., Sobolev, V.I. & Soloviev, A.I. (1990) *Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya* [Baraba in the late Middle Ages]. Novosibirsk: Nauka.
17. Zikov, A.P. & Mankova, I.L. (1999) "Shlem Iligeya" – reliквиya Dalmatovskogo Uspenskogo monastyrya (k voprosu o formirovaniі kul'ta pravednogo Dalmata) ["Helm of Iligey" – a relic of the Dalmatov Dormition Monastery (on the formation of the Righteous Dalmatian cult)]. *Istoriya tserkvi: izuchenie i prepodavanie* [History of the Church: Study and Teaching]. Proc. of the Conference. Ekaterinburg, November 22–25, 1999. Ekaterinburg: Ural State University. pp. 110–115.
18. Tikhomirov, K.N. (2014) Gorod Tara kak tsentr ekonomicheskogo i kul'turnogo razvitiya sibirskikh tatar v Tarskom Priirtysh'e v XVI–XVIII vekakh [The city of Tara as a center of economic and cultural development of the Siberian Tatars in the Tara Irtysh region in the 16th – 18th centuries]. In: Alferov, S.A. (ed.) *Tara v XVI–XIX vekakh – rossiyskaya krepost' na beregu Irtysha* [Tara in the 16th – 19th centuries – a Russian fortress on the banks of the Irtysh]. Omsk: Amfora. pp. 187–223.
19. The Archive of MAE OmSU. Fund III (M.P. Gryaznov). The Toyanov Culture Case.